

Ирина ЛЬВОВА

г. Петрозаводск

1

Мне было не по себе этой весной. Скука, раздражение, тоска — обычные болезни человека, готовившего перевернуть мир, а теперь с трудом переворачивающего страницу книги, — одолели меня. Мой роман с литературой был завершен. И я не знала, чем заполнить окружившую меня пустоту. Раньше я бы рассказала о смертной тоске, тошноте — с их описания начинаются хорошие романы, — но у меня не осталось слов. Что бы я ни сказала — все звучало уныло и плоско.

Я хотела начать жизнь, где не было бы слов или они не имели большого значения.

— Со мною бывало такое, — сказал мне Андрей, когда мы вместе шли с работы, каждый к своей машине. Был душный июньский вечер: ни двигаться, ни разговаривать не хотелось. Но Андрей, казалось, не замечал изнуряющей духоты, а говорил горячо и громко: — У меня есть одно верное средство от любой тоски.

Я знала лекарства Андрея. Он уходил то в монастырь, то в запой, ездил в Индию и занимался коммерцией. Его бросало из крайности в крайность, как бывает с людьми одержимыми и чувствительными.

— Пришло время для надеяния. Ты плыла изо всех сил, а теперь нужно просто лечь на воду. И все наладится само собой.

— Дело не в плаванье, — сказала я. — Дело в любви. С любовью не так-то просто.

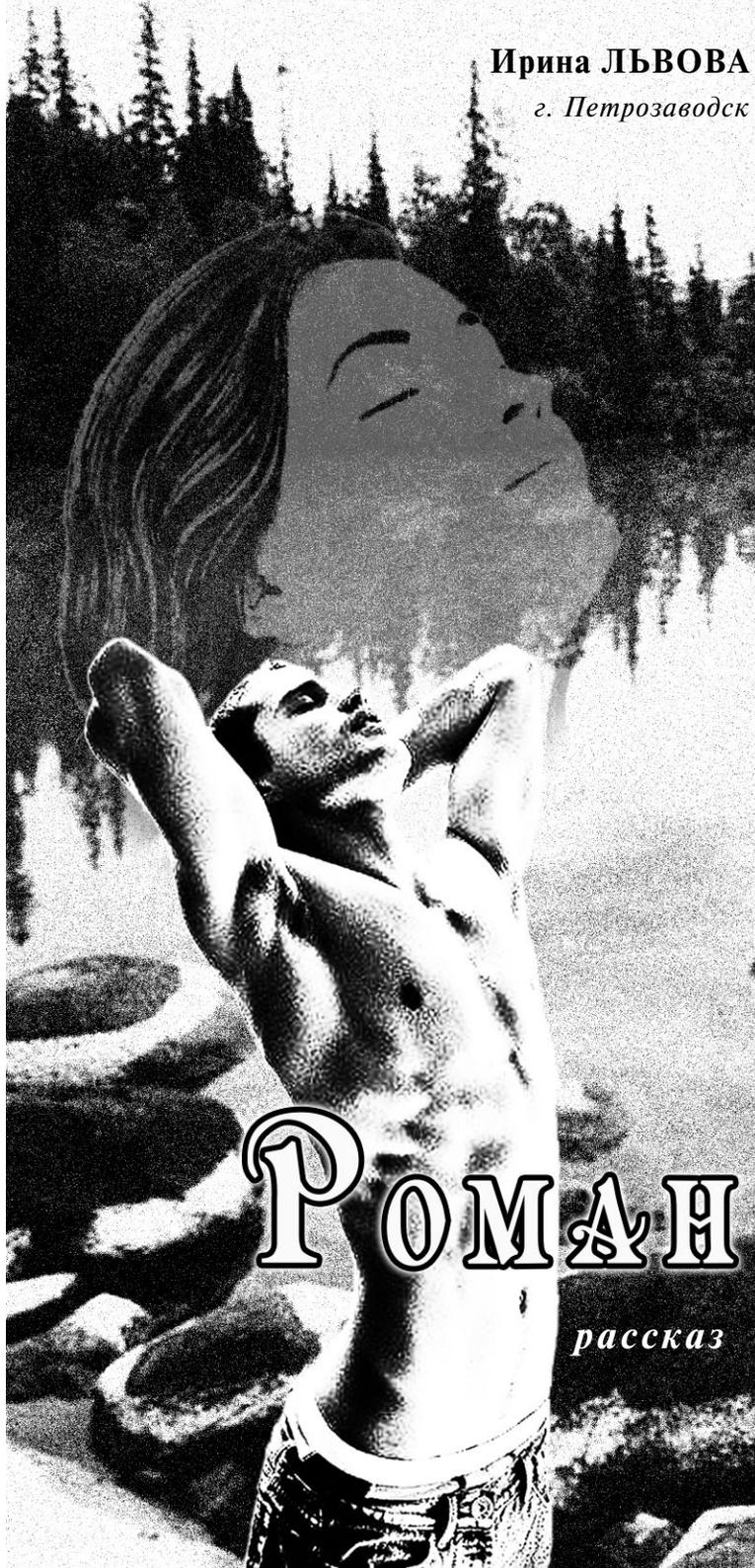
— Любовь? — переспросил он. — Любовь не опустошает.

Вновь это были слова. Я вспомнила о молчалиниках и всех тех, кто хотел вырваться из словесных сетей. Их попытки были напрасными. Слова растут и живут вместе с нами, мы прячемся под ними, как грибы под деревьями, высасывая смысл для наших жизней.

— Ты знаешь, в чем обычно причина

РОМАН

рассказ

хандры? В несовпадении со временем. Время — коварная вещь, если не попал в него — все, жди еще лет двести, когда вы с ним встретитесь. А кому хочется ждать? — продолжал говорить Андрей. — Ты не веришь, но я знаю место, где времени нет. Настоящая тихая заводь, тысячу лет, один день — все одно. И тишина неопишуемая, как на картине. Там невозможно не написать роман, он приснится тебе в первую ночь. Ведь какой ты журналист? Ты — писатель. Тебе нужно поехать туда. Кстати, там у меня есть дом.

Внезапно мне захотелось говорить о себе, о безответном романе с литературой, о больших надеждах. Белая ночь с незаходящим солнцем повисла над нами, обещая жизнь вечную.

В следующую субботу я уже ехала с Андреем в его дачный домик. Деревушки со странными названиями сбегались нам навстречу: Княжичи, Солдаты, Вторые Ворота, Старый Угол. Все они были на одно лицо, невзрачные, сонные, и серая зелень прикрывала их своим камуфляжем.

Дорога, лежавшая среди полей, свернула в лес и, петляя, привела к скалистому перешейку между двумя озерами: к одному из них плавно спускалась маленькая деревушка, у другого расположились несколько дачных домиков. «Середина» — гласила старая табличка у дороги.

Место, куда мы приехали, было живописнейшим: зеленые волны леса уходили вдаль, старые сосны выстроились вдоль обочины, а впереди звенело июньское небо чистой голубизны.

Домишко Андрея, отделенный от соседских домов зарослями малины, был горбатым и ветхим. Дорожка к дому заросла, травы буйствовали вокруг. Девичий виноград и хмель скрывали облесную краску стен. Кругом разлита была тишина, клейкая, знойная.

— Настоящая писательская берлога, — сказал Андрей весело. Ему нравилась своя затея. Он был из тех людей, которым нравилось жить.

Я подумала, какой роман здесь можно написать. Сквозь кустарники и травы сквозила вечность. Я знала, что вечность должна светиться сквозь текст хорошего романа.

— Траву мы сейчас скошим, — сказал Андрей, — будет настоящая писательская дача.

Мне все больше нравилась безупречная тишина этих мест. Я бы назвала ее исчерпывающей. Я хотела погрузиться в нее. Это была бы моя Индия.

— В доме никто не живет, — рассказывал Андрей. — Когда-то очень давно я приезжал сюда рыбачить.

— Зачем же тебе этот дом?

— Он не мой, а родителей жены. Тесть построил его, когда еще был советским инженером. А потом разбогател, сбежал из страны, и дом оказался никому не нужен.

— А твоя жена бывает здесь? — спросила я, стараясь скрыть любопытство. О жене Андрея в редакции ходили невероятные слухи. Она была то ли актрисой, то ли художницей, много путешествовала на деньги отца, потакавшего ее желаниям.

— Нет, Ника сюда не ездит.

Я не люблю оставленные дома, живущие много лет без хозяев. Они беззащитны перед одиночеством, безумием, и со временем в них поселяются призраки.

Андрей распахнул дверь.

— Вот гостиная. Есть еще комната на чердаке. А когда жарко, спать можно на веранде.

Я вошла в комнату. У стены стоял стеллаж с журналами «Наука и жизнь», «Вокруг света», рядом приемник ВЭФ, в углу сервант с посудой из старых советских времен. Я узнала чашку с красными горошинами. У меня была такая в детстве. Я чуть не заплакала, увидев ее.

Я подумала, что, наверное, роман похож на этот дом, время застывает в нем.

— Озеро в двух шагах, а еще совсем рядом родник. Когда у меня бывала такая сушь... — начал Андрей.

— Что? — не поняла я.

— Ну то, что ты называешь тоской, меланхолией, так вот, я всегда старался быть поближе к воде, нет, не к водке, к воде, ведь мы вышли из воды и подсознательно стремимся к истокам.

— Да, да, — подхватила я, — кажется, об этом писал Мелвилл.

Андрей засмеялся, и его борода, веселая, как у фокстерьера, задорно приподнялась. Он был похож на разыгравшегося щенка.

У меня в руках была завязка незамысловато-

го романа: он, она, красивые пейзажи, неизменный случай. Но даже для такого романа нужно хоть немного страсти, а мне неоткуда было ее взять.

Андрей разыскал косу и с удивившей меня сноровкой принялся расчищать путь к дому. Вкусно запахло скошенной травой, день становился щемяще-томительным, на моих глазах вырастала идиллия, патриархальный мир. Я взяла ведро и пошла на родник. Вероятно, настало время для описаний, для медленного кружения вокруг знакомых предметов, приятного поглаживания, нащупывания границ вещественного мира, поиска свидетельств своего действительного пребывания, присутствия в жизни каждую секунду, но я избегала описаний. Лишь когда вода ударила по жестяному дну, я не выдержала.

— Боже, — сказала я. Поставила ведро на землю. Как красиво звучало: вода в ведре. Похоже на начало музыкальной пьесы. Я повторила вслух: — Вода в ведре.

Пока я ходила, прежняя идиллическая картина изменилась. У самого дома трава была скошена, и Андрей расширял пространство вокруг, методично уничтожая дебри растений. Я вспомнила описания жатвы, особенно живописные у Гарди, в красках восхода, исполненные гармонии, как музыкальное сочетание о-да-де-ре. Но здесь что-то было не так. Наконец я заметила, что Андрей снял рубашку и остался в одних коротких шортах, походивших на набедренную повязку. Без одежды он был неловок, страдальчески худ, как конь Дон Кихота.

Я пошла греть чай, боясь вообразить, кем Андрей предстанет следующий раз: лебедем, быком?

— Я верю в твой роман, — сказал Андрей, когда мы пили чай на веранде, как настоящие дачники. — Я думаю, что хороший роман должен быть социальным. Надо показать человека нашего времени, показать самому себе, потому что он не знает, каков он. Нужно передать воздух, настроение эпохи, ты знаешь. И нынешнее чувство апатии, ощущение тупика. Глобального тупика. Я хотел бы прочитать об этом. Я хочу литературу смыслов, литературу, объясняющую настоящее. Нам нужна революция, революция в сердце, а ее все нет.

Я хотела сказать, что мечтаю основать секту молчаливиков, но промолчала.

— Конечно, для романа нужен материал, — продолжал Андрей, — одной лирикой не обойтись. Вот, например, история этого поселка — чем не тема романа? Когда-то он был большим, а теперь здесь всего восемь жителей, остальные дачники. На первый взгляд кажется, жизнь ушла отсюда, но на самом деле она стала другой, очень легкой. Ты понимаешь, о чем я? Жизнь пролетает мимо, и все труднее ее поймать, понять. Походи, поговори со здешними, ты услышишь много интересного.

Андрей начал пересказывать одну из своих журналистских историй, а я опять подумала, что это за штука — роман. Форма столь свободная, что кажется неопределенной.

И столь же неопределенна была жизнь в наступающих серых сумерках, стерших границы дня и ночи, очевидность целей, ясность смыслов.

Внезапно мы замолчали, и, как это иногда бывает, вдруг исчезли слова, чтобы продолжить разговор. Тишина наполняла теперь и маленький домик, и нас самих, сидящих рядом, одиноко пьющих чай. Андрей засобирался в город.

— Это необычное место, ты увидишь. Лучшее для медитации и всяких творческих откровений, — сказал он на прощание. На мгновение мне показалось, что он убегает отсюда. — И помни — это должна быть современная вещь обо всех нас.

В сумерках я не поняла, серьезен ли он или шутит. Я подумала, что совсем не знаю Андрея. Хорошо, что я приехала на своей машине. Я решила наутро вернуться в город.

2

Ночь была душной, тяжелые запахи старого дома не давали мне уснуть, и, промучившись два часа, я распахнула окна и двери. Прохладный воздух оживил меня. Мне казалось, что я необычайно бодра, но в то же время я знала, что сплю. Но и во сне мое сознание бодрствовало, опутывало словесной паутиной. Причудливая сеть слов не казалась мне странной, а толь-

ко тоскливой, оттого что в жизни на самом деле все по-другому, особенно когда выйдешь из дому, окажешься в чужом доме, дому, до му, простое как молчание, молчание — это вымя (не забыть об этом, когда проснусь!), что в имени тебе моем? Черный квадрат меланхолии.

Мне снился роман, разорванный на фрагменты, бессмысленный, невнятный, но я знала, что смогу прочитать его. «Роман — это свобода», хорошо, что буквы написаны на песке, неужели рядом море? Моя цель — свобода.

Измученная, я проснулась наконец, вспомнила, где я, удивилась, что, просыпаясь, человек попадает в то же место, откуда ушел, и эта точка — роман. Роман — отношение человека с реальностью. А я — главное действующее лицо. «Я вышла из дома» — неплохое начало для романа.

Я вышла из дома. Было еще прохладно, но уже чувствовалось, что зреет душный день, а пока и земля, и травы наслаждались утренней свежестью.

От дома шли две дороги: и, как обычно, я задумалась, какую из них выбрать. Одна поворачивала налево, пряталась в зарослях, другая огибала дом и поднималась к скале. Как известно, что бы я ни выбрала, мне так или иначе пришлось бы сожалеть об утраченной возможности, и я стояла в замешательстве, пока наконец не разглядела едва заметную тропинку, бежавшую к ближайшему осиннику.

Как и при чтении книг, меня почти сразу охватило любопытство: куда выведет эта дорожка. Я шла, послушно повторяя все ее подъемы, изгибы, прорываясь сквозь густой мелколиственник. Внезапно я оказалась на берегу озера. На пригорке стояли золотистые сосны, в воздухе пахло молоком и солнцем. Тропинка здесь не заканчивалась, а бежала через брод к песчаному острову. Я не раздумывая ступила в черную илистую воду. Испуганная шумом, из зарослей бесшумно выплыла утка с выводком и так же бесшумно исчезла. Тишина сомкнулась над озером. Это была тишина редкой чистоты и прозрачности. Я бы назвала ее первозданной.

Мой необитаемый остров был мал. Несколько старых сосен росли на возвышении, а у песчаного обрывистого спуска стояли два пышных

ивовых куста. Я поспешила к самому высокому, расположившемуся у воды. Это было прекрасное место для уединения и наблюдения.

Пейзаж на севере, даже освещенный летним солнцем, поражает строгостью рисунка. Здесь нет никакой избыточности, ярко пятна, внезапного пряного аромата, будоражащего воображение. Нет ни теплоты, ни иллюзии сочувствия, соучастия в человеческой жизни, которую дарит природа южных широт. Спокойствие, безмолвие окружали меня.

Озерная гладь отражала скалы, лес, небо с облаками. Я думала, что роман так же бездумно схватывает случайные детали жизни, уже кем-то упорядоченные. Сознание — тоже зеркало, в которое смотрится природа и узнает о своей конечности.

Между тем чем дольше я смотрела, тем подробнее становилась окружающая меня тишина. У моих ног нагревалась зеленоватая галька, темные тени сосен тянулись к соседнему острову, а у горизонта случайным мазком застыло одинокое облачко. Картина, находившаяся предо мною, выписана была превосходно. Любой художник позавидовал бы точности и выразительности рисунка.

В следующее мгновение я услышала плеск воды за спиной. Кто-то быстро переходил брод. Моя робинзонада внезапно закончилась, я спряталась в глубину куста, гадая, что будет дальше. Между тем незнакомец стремительно приближался к моему укрытию. Это был юноша лет семнадцати. Он был невысок, темноволос, длинные густые локоны придавали его облику неожиданную живописность, будто он сошел с картин Гвидо Рени. Без сомнения, мой итальянец пришел купаться, и по той уверенности, с какой он сбегал со склона к воде, было ясно, что мой остров давно принадлежал ему.

Его появление тотчас разрушило спокойную неподвижность утра. Он почти слетел с песчаного обрыва, на мгновение приостановился, чтобы сбросить одежду, вбежал в воду и тотчас поплыл, быстро рассекая озерную гладь. Он разбудил, раскачал застывший мир и теперь удалялся, рискуя раствориться в окружающей тишине. На несколько секунд я потеряла

пловца из виду, что взволновало меня почему-то, но вскоре он появился вновь: теперь он возвращался к острову, где я предавалась соблазнительному подглядыванию. «Двадцать восемь молодых мужчин купаются у берега. И вот она прошла здесь по берегу, двадцать девятая, смеясь и танцуя», — повторила я про себя.

Мой итальянец вышел совсем недалеко от того места, где я пряталась, и теперь я могла рассмотреть его. Он был красив той красотой юности, которая очаровывает изяществом и гибкостью, еще не проявившейся до конца силой. Я заметила, что он хорошо сложен, его движения сдержаны, но свободны. Если бы красота проявляла себя в совершенных пропорциях, в гармонии формы, то ее легко бы было описать. Но тайна красоты в ее неуловимом обаянии, которое трудно выразить, поэтому все талантливое прекрасно, а прекрасное одухотворено. Оно возникает чудесным образом из обычных вещей и обстоятельств, пробуждая чувственность, чтобы открыть путь к чувствительности. Красота юноши трогала меня, звучала, как старинная мелодия.

Я вспомнила о романе. Так или иначе, в нем все предсказуемо, это старая история о поисках красоты: тоска, узнавание, может быть, любовь, неизбежное расставание. Это и есть, думала я, литература. Неожиданно старое чувство, столь похожее на любовное, родилось во мне — чувство рождающегося текста.

В это время мой герой уже удалялся от берега, я услышала плеск воды за спиной, и тишина вновь сомкнулась над озером.

Мне показалось, что его появление пригрезилось мне, что поиски красоты неизбежно привели меня в знакомую область сновидений. Я вспомнила сон, увиденный Манном: жаркий влажный воздух Венеции, ветшающие декорации некогда шумного города, теперь заполненного, как водой, толпами туристов, но в глубине своей хранящего молчание времени и камня, так же, как окружавшие меня скалы. Я увидела ленивые лица гондольеров, стерегущих туристов на лодках с фальшивой позолотой; венецианская жара, пропитанная запахами сладкого гниения, обожгла меня. Я попыталась припомнить имя героя рассказа, но почему-то

в памяти всплыло имя из другой истории. «Тонио», — позвала я. Горло мое пересохло, и звук получился глухим, почти неслышным.

Мой роман был погружен в молчание, и сколько бы я ни нанизывала слов, мне не удалось бы разрушить открывшееся безмолвие.

3

Между тем начинался душный день, и пора было возвращаться в город. За свою жизнь я совершала много нелепостей, но ни одна из них не была такой бессмысленно-бестолковой, как внезапное бегство в забытый богом поселок.

Я отнесла вещи в машину, закрыла за собой дверь. Чтобы писать, надо верить. Но даже моя старая наивная вера в то, что слова — это лестница к Богу и, выстроенные в нужном порядке, они выведут из тумана к жизни, оставила меня.

В машине я обнаружила, что в мое отсутствие кто-то слил бензин, и теперь мне больше всего хотелось знать, сумею ли я добраться до заправки. Оказывается, этот безлюдный мир был обитаем.

Я выехала на дорогу и остановилась у ближайшего дома. Немолодая дородная женщина полела в огороде. Ее синяя юбка сияла в июньской зелени, как странный флаг неведомого государства, а сама она словно выросла большим своим телом в тесный мир грядок. Здесь все было давно упорядочено, жизнь, казалось, шла ровными полосами, как ряды моркови и лука, и не нужно было ничего выдумывать, а только следовать порядку вещей. Женщина неторопливо разогнулась, услышав мой голос, на долю мгновения задержалась на мне взглядом. Без сомнения, за этот миг она узнала все о моей маленькой жизни, полной робких надежд и разочарований, но, вероятно, не нашла в увиденном ничего нового, потому что сказала равнодушно:

«Бензин? Вот вернется скоро хозяин, спросите у него».

В это время на дороге появился велосипедист. Сердце мое забилось, я уже знала, кто он. Тонио ехал неторопливо, с той чудной

ленцой, которая свидетельствовала об удовольствии, которое он получал от каждого движения. Его ноги — великолепные стройные ноги — были слегка напряжены, — и неуловимое усилие тела, словно невидимое движение приготовившегося к бою Давида, взволновало меня. Лицо Тонио было оживлено, и когда он поравнялся со мною, то едва заметно улыбнулся, мне даже показалось, что кивнул приветственно. Я замерла от смущения. Неужели Тонио видел меня, прятавшуюся в прибрежных кустах, и зачем-то позволил подглядывать за собою?

— Здравствуй, прекрасный Тонио, — пробормотала я ему вслед.

Когда красота перестанет улавливать меня в свои сети? Когда я пройду мимо нее и сердце мое не забьется от радости? Когда я буду смотреть на ее соблазны с тем же спокойствием, что и просветленная женщина с синим флагом безмолвия, совершающая свое жизненное путешествие без лишних вопросов?

Хлопнула калитка, из дома вышел невысокий коренастый мужчина лет семидесяти, из тех, кого мы ожидаем увидеть у дома с огородом, где молчаливая женщина управляетя с хаосом борющихся за жизнь растений.

— Так это вам бензин нужен, — спросил он, прищурившись то ли от солнца, то ли для того, чтобы скрыть насмешку. — Могу продать.

Он заломил такую цену, что у меня закралось сомнение, не он ли слил мой бензин.

— Дело в том, что бензин украли, — я еще надеялась на сочувствие.

— Кто здесь мог украсть? — спросил он философски, с той убедительностью в голосе, которая мне никогда не дается и потому вызывает невольное уважение. — Здесь красть некому. Вы ведь в Андриюшкином доме поселились? Он говорил, что привезет писательницу. У нас хорошее место для писателей. Едут сюда каждое лето, можно сказать, в каждом доме писатели. Ну и еще пенсионеры, как мы. Так что красть некому.

Он посмотрел на меня голубыми выцветшими глазами. Видно, что ему нравилось говорить и слова не имели для него особенного значения, ведь он разговаривал наклоном жи-

листой шеи, жесткими складками у губ, толстыми пальцами с квадратными синеватыми ногтями.

— А до заправки далеко? — спросила я.

— Как посмотреть, километров пять будет, а то и больше, — он продолжал назидательно. — Я скажу вам, что за машиной нужно присматривать. Не доглядишь — ускачет. Если за машиной не смотреть, то лучше тогда на велосипеде, хлопот меньше. Вот как Антоха: ездит, девок завлекает.

«Тонио, Антон», — пробормотала я. Кто подсказал мне его имя? Мне легко уверовать в совпадения, потому что мое незнание мира столь абсолютно, что я цепляюсь за любую возможность объяснить происходящее.

«Если мне удастся доехать до заправки, значит, мне суждено еще раз увидеть Тонио. Если бензина не хватит, значит, чудес не бывает». Я разговаривала по-детски с судьбой, чтобы уговорить ее выполнить мое желание. Бензин давно должен был кончиться, но машина ехала, чудо происходило на моих глазах, но, кроме меня, ему не было свидетелей. «Тонио», — повторила я, подъехав к заправке. У меня не оставалось сомнений: скоро я его увижу.

Вечером я бродила по поселку, каждую минуту ожидая встречи с Тонио. У меня не было причин не доверять совпадениям, я продолжала верить в чудеса. Но я не могла вообразить нашу встречу, придумать слова, которыми я остановлю Тонио, заставлю быть со мною целое мгновение, больше мгновения. Моя тоска уже была наполнена радостью, и мне нечего было больше желать.

Поселок был небольшой, с тремя улицами, вытянутыми вдоль озера, которые повторяли очертания берега. Ближние дома почти уходили в воду, отгораживаясь от нее разрушавшимися причалами. Казалось, что поселок давно был оставлен людьми: покосившиеся заборы не ремонтировались, обочины заросли бурьяном. Между тем в ветшавших домах кто-то жил: на окнах были занавески, во дворах лежал разный скраб, грядки были ухожены, в цветниках поднимались пионы и маки.

Все дорожки вели к озеру, ленивому и непод-

вижному. И так же сонно застыли у берега лодки. Старая ива дремала у воды. Чем дальше от озера, тем больше было движения и звуков: слышны были обрывки разговоров, шум телевизоров, возня разыгравшихся собак. Где-то вдали монотонно и глухо стучал молоток. Я пошла на этот звук: к большому бревенчатому дому кто-то пристраивал веранду. Дом был старый, потемневший от времени, и светлые доски казались слишком пронзительными, как медицинские бинты, для его меланхолического фасада. Новое соседствовало со старым в этом дворе: рядом с покосившимся сараем — новая желтая беседка, недалеко от старой девятки — спортивный велосипед, похожий на тот, на котором ездил Тонио. «Тонио», — не успела подумать я, как круглолицая женщина выглянула из окна, позвала: «Антон, ты где? Зови деда ужинать». Через минуту я увидела Тонио: он появился на мгновение, тонкий, стремительный, и скрылся за дверью. Мои руки дрожали. Я слышала: травы поднимались нежно, и небо было близко, и совсем рядом текла жизнь, и меня уносило этим течением, и сердце мое рвалось от любви и счастья, от бесконечной тоски, в которой плыл этот мир, миг за мигом, любовь за любовью. О, я знала, что скоро все должно исчезнуть.

4

На севере вечер не избавляет от зноя, солнце чуть спускается к верхушкам деревьев, духота скапливается у самой земли, и белесая ночь наполняет мир серым сумраком. Глубокое молчание устанавливается вокруг (так бывает глубока ночь). Я видела, как молчание захватывает лес, и озеро, и ближние деревья, как немеют под его натиском травы. Я сама была побеждена им: мое горло пересохло, немота сковала меня, как зверя, обострив мое зрение, пробудив мою память. Тоска, похожая на голод, поселилась во мне, она привязала меня к чужому месту, к узкой полоске земли между озерами, и заставляла бродить по лесным тропинкам, бедным улочкам поселка в надежде увидеть Тонио.

Я уже знала его привычки: рано утром он бе-

жал на озеро купаться. Короткие заплывы Тонио были известны мне до каждой подробности: он появлялся на моем необитаемом острове всегда неожиданно, стройный, в кокетливых купальных трусиках, какие носят на южных курортах, нетерпеливо спускался к воде, будто секунда промедления была для него мучительна, стремглав бросался в воду и быстро удалялся от берега. В этой части озера было несколько островов, дремлющих, как огромные лодки у причала, и Тонио всегда выбирал своей целью один из них — узкий остров, заросший зеленью; но почему-то никогда не подплывал к нему, а медленно огибал с правой стороны, словно ожидая увидеть что-то, а после поворачивал к берегу. Я ждала момента его возвращения, когда он выходил из воды, немного усталый, но все равно оживленный, на несколько мгновений задерживался на берегу, словно не был уверен в том, что на самом деле пора возвращаться, оборачивался, но озеро было неизменно спокойно. Тогда он подбирал разбросанные вещи: футболку, сандалии, неторопливо натягивал потертые шорты, с таким изяществом, что я невольно припоминала картины с купающимися мальчиками, гибкими, розовотелыми, ароматными.

Он уходил нерешительно, будто ему нужно было усилие, чтобы расстаться с этим берегом. В его походке было много детского, порывистого, казалось, что за миг ему хотелось побывать и на краю острова, и перелететь через брод, попробовать все, что окружало его.

Я пряталась в своем укрытии, запоминая все его движения, чтобы позже, в тишине, доставать воспоминания, как украденные сокровища. Вот Тонио идет по кромке воды, его голова слегка наклонена, плечи опущены, он задумчив и, может быть, отчего-то печален, но тело его наполнено радостью. Взглядом я жадно охватываю его облик, стараясь не пропустить подробности: узкие лодыжки, прекрасная линия ног, не мускулистых, но сильных, плавно переходящая в линию бедер, еще более волнительную, оттого что в ней есть мягкость и сокровенность, готовящая к приближению загадочного торса: сдержанных плотных ягод, нежного живота, распахнутых лопаток, а

если чуть приотпустить воображение, можно было ощутить матовую поверхность кожи, в трогательных чешуйках и прыщиках, и тогда нетрудно было почувствовать кульминацию картины, горделиво-спокойный поворот головы, а если повезет, поймать быстрый взгляд из-под роскошных итальянских ресниц.

Иногда мне удавалось встретить Тонио в поселке: он ехал неторопливо по разбитой дороге на своем шегольском велосипеде. Я торопилась увидеть его лицо: спокойные глаза, капризно вздернутый нос, тревожную линию губ, придававшую его лицу неожиданное выражение озабоченности и даже усталости. При встрече улыбка узнавания появлялась на его лице, и я не сомневалась, что это отражение моей улыбки, вспыхивавшей против моей воли.

Белой ночью мне некуда было спрятаться от своих желаний. В одиночестве я дожидалась утра. Постепенно яркие картины дня тускнели, и мне оставались только звуки: стук молотка, шорох велосипедных шин, а еще сосновый сладкий запах, перемешанный с густым настоем трав — тягучий, дурманящий, доводящий почти до обморока.

Ночью я смотрела сны: передо мною проплывали зеленые холмы Италии, облака, повторяющие очертания деревьев, дороги, бегущие вдоль моря, к городам с узкими каменными улицами, похожими на листы бесконечной книги. Июньское знойное солнце плавало эти сны, а бессонная белая ночь заставляла их длиться и длиться.

Я не помнила, сколько времени прошло с тех пор, как я приехала в дом Андрея, что было со мною раньше, кем я была. В светлой ночи растворились все вчера и завтра.

По старой привычке я искала слова для своих снов, но не могла найти ни одного подходящего. Мой роман обходился без слов, более того, я боялась назвать происшедшее со мною словом, словно оно могло все разрушить.

Всякий раз, когда я встречала Тонио, меня охватывала робость, видеть его уже было достаточно для счастья. Да и что бы я могла ему сказать?

Но однажды, как это всегда бывает, без причины — просто слишком жаркий день, и бес-

сонница, и особая горькая пыль на дороге, — я увидела Тонио, теперь он катил велосипед рядом с собою и, наверное, оказался неожиданно близко от меня, так что я почувствовала запах дороги и солнца — запах Тонио. В растерянности я сказала ему: «Здравствуй». Мое глухое сдавленное «здравствуй» застало его врасплох, он улыбнулся смущенно, и мне ничего не оставалось, как продолжить по инерции плести бессмыслицу из слов, чтобы скрыть бессмыслицу поступков.

— У вас здесь так красиво, не хочется уезжать. Я давно не отдыхала так хорошо. А вы, то есть ты, то есть вы на каникулах? Мне нравятся ваши места.

5

Я вернулась домой в смятении, так что не сразу заметила, что обстановка переменилась. Дверь была открыта, окна распахнуты, на улицу выставлено старое плетеное кресло, а на него брошена красная кожаная сумка. Пока я раздумывала, что могло произойти в мое отсутствие, появилась сама владелица этой сумки и нового порядка — молодая темноволосая женщина, невысокая, тонкая, как подросток. Она была в длинной летней юбке и широкополой шляпе, словно дачница из какого-нибудь старого романа.

Она посмотрела на меня с любопытством:

— Вы и есть, наверное, писательница, в которую влюбился Андрей? — сказала она весело. — А я его жена, Ника.

Она была настоящей героиней романа. С насмешливыми глазами, большим ртом, слепленная из какого-то чудесного легкого материала. Ее лицо было подвижно, так что каждое чувство отражалось на нем, и не составляло никакого труда увидеть, что она сейчас смущена и прячет смущение за насмешливым тоном.

— Я вам не помешаю, — продолжала она, — я совсем ненадолго, до утра.

Она надвинула шляпу на глаза и скрылась в доме.

Наконец я вспомнила о прежней моей жизни, о городе, где меня ждали дела. Я засобира-

лась в дорогу. Как я поддалась на уговоры Андрея? И что за безумие — писать роман.

— Что за безумие — писать роман в наше время, — сказала Ника. Она вынесла еще один стул из дома и теперь устанавливала что-то вроде раздвижного столика. — Написать роман — тайная мечта Андрея. Я этого не понимаю. Я люблю читать, особенно если автор не слишком утруждает себя тем, чтобы казаться умным и оригинальным. Какие-нибудь простенькие истории про любовь. Он любит ее, она его нет, — она смеялась, кусала губы. — Всякий раз, когда я погружаюсь в книгу, я думаю, что история и чтение — разные вещи, если история хороша, я вижу сон, что и сочинитель. Если история плохая, я отвлекаюсь на другие сны или вовсе забрасываю ее. Хотите есть? Я приготовила ужин. Не отказывайтесь, я не очень хорошо готовлю, но ведь не это главное. Вы ведь тоже не любите ужинать в одиночестве?

Я видела, что она поддразнивает меня, что ей нравится быть несерьезной, что она знает, что это нравится мне.

— Я вам нравлюсь, потому что вы считаете меня сумасшедшей. Вы специально таких собираете для своих книг. Знаете, в чем трудность многих писателей? Они хотят быть сумасшедшими и не могут.

— Какой я писатель? — сказала я. — Я даже не знаю, что такое литература.

Ника улыбнулась, я заметила, что у нее хорошая улыбка:

— И все-таки вы пишете роман.

Наш разговор был бессмыслен, но он мне нравился.

— Я мало что умею. Я думаю, что роман — это не литература вовсе. Он где-то здесь: в разговорах, вечернем свете, чувствах, которые пробуждает этот свет.

Ника засмеялась:

— На меня здешние места нагоняют тоску. Слишком уж тут тихо, молчание озер, леса пугает меня. Мне нужен шум, движение, суета — я могу жить только в городе. Его сутолока, тщеславие будоражат, бодрят. Все действует гипнотически, десятки лиц, картин мелькают передо мной, на прилавках — тысячи книг,

каждый миг — тысячи возможностей. Больше всего я боюсь остановиться.

— И все-таки вы здесь.

— Я приехала навестить друга. Очень хорошего друга, — она улыбнулась опять.

Если бы я вдруг захотела поговорить с собой, так чтобы одновременно я оставалась собою и была собеседником, существующим отдельно от меня, то желала бы именно такой половины: непохожей на меня только отчасти, понятной настолько, насколько я понятна себе — мое отражение, но не копия. Легкость, с которой мы перескакивали с предмета на предмет, не теряя нити беседы, окрыляла меня. На самом деле эта легкость не нуждалась в словах.

Незаметно наш разговор перетек в ночь. Чем глубже мы погружались в нее, тем глуше звучали голоса, тем чаще вспыхивали улыбки. Ночные часы располагают к откровенности, будто серые сумерки прячут неуверенность и страхи. В сгуставшейся беловатой мгле лицо Ники стало уже, глаза темнее. Я думала в восторге: «Да, я не ошиблась, вот героиня романа. В ней есть все — любопытство, страсть, действие. Эта незнакомая женщина — сама жизнь, непонятная, влекущая, опасная». Я жаждала найти в Нике свое отражение, но она все чаще ускользала от меня, не давая этой возможности.

— Я ничем не занимаюсь. Ничем определенным. Пробую себя то там, то здесь. В общем, плыву по течению. У меня нет призвания, если, конечно, не считать призванием жизнь, мне все интересно, до определенного предела, который мне понятен. О, я все время чувствую границы, за которые не могу перейти. Есть вещи совершенно загадочные. Например, недавно я узнала о параллельных вселенных. Это удивительно, правда? Мы здесь, а рядом множество дверей, где мы тоже существуем, где находятся близкие нам люди. Сейчас я говорю, и мои слова не исчезают, становятся прошлым, куда всегда можно войти, и люди, которых продолжаешь любить, никуда не уходят, они тоже здесь, за соседней дверью. Ничто не исчезает. Меня эта мысль захватывает! Но я ничего не умею вообразить, я не писатель.

Ее глаза блестели. Идея бессмертия захватила и меня:

— Для меня литература — та, которая ближе всего к музыке, поэзии — самый очевидный путь к бессмертию. Все загадки — в слове. Но слово тоже должно быть освобождено — от истёршихся смыслов, формул.

Ника открыла новую бутылку вина, и разговор потек еще быстрее.

— Литература, — продолжала я, — еще одна дверь в параллельную вселенную. На самом деле пребываем в разных мирах почти одновременно. В одном нам разрешается быть мечтательными, праздными, совершать бессмысленные поступки, а в другом — все не так.

— Мне знакома эта мысль, старая романтическая мысль... — сказала Ника.

— Я просто не умею объяснить, — меня уже что-то начинало беспокоить в нашем разговоре, но я не могла понять, что именно. — Я чувствую, что ответ где-то рядом, он вполне очевиден, как это всегда и бывает.

— Да, да, — сказала Ника, кивая рассеянно. — Роман — это точка пересечения, любовь открывает все двери...

Наш разговор становился все более бессвязным.

Я подумала, что пора говорить о любви. Мы обе были влюблены, что было теперь очевидно, и эта влюбленность развязывала языки сильнее вина, она делала нас одержимыми, но мы были слишком умны, чтобы признать это. Я хотела рассказать о Тонио, но почему-то не смогла произнести его имя. В ту минуту я забыла его имя.

Постепенно возбуждение начинало спадать, ночь брала свое, и я оставила признание до следующего дня.

— Никто ничего не знает, — сказала Ника, — и это хорошо. Что за страсть — во всем разбираться, обо всем говорить. Нет, я никогда не смогла бы написать роман.

Я устала до того, что не могла двигаться, и кресло, которое так мешало во время разговора, что мне постоянно приходилось искать удобное положение, вдруг размякло и растянулось, и я разом уместилась в нем, как в колыбели, и оно тотчас уплыло в ночь, и тело мое, податливое, смирившееся с новым путешествием, двинулось следом, и всего через мгновение меня вы-

несло к озеру. Поначалу мне показалось, что здесь никого нет, но, присмотревшись, я увидела, что рядом качалась резиновая лодка, а в ней дремал рыбак с удочкой, его шапка, как у тирольского охотника, сползла набок, а сам он, тихий и благостный, неподвижно сидел в своей лодчонке. Конечно, это был Андрей с длинной удочкой, такой длинной, что ни поплавок, ни лески нельзя было разглядеть. Впрочем, чем дольше я смотрела на воду, тем ярче, зеленее становились волны, и плескались они веселее, и краски вокруг становились живее, как на морском берегу, пока передо мною не открылась зеленая бухта: справа горы, слева вулкан, а впереди тихие острова в дымке. «Я сплю, — думала я, — или перешла незаметно в другую комнату, на другой уровень». Но мне некогда было размышлять, потому что рядом со мной стоял Тонио. Он был смугл, как мавр, и мне нравился темный оттенок его кожи. Нужно ли мне было удивляться новому превращению, если все на свете — проявление единой сущности?

— Поплыли? — сказал мне Тонио и побежал к воде. Я попыталась его догнать, в воде я смогла бы прикоснуться к нему незаметно. Его кожа блестела, как подтаявший шоколадный пломбир, мечта моего детства. О, как робко мечтала я прикоснуться губами к его коже, и мечта эта удесятерила мои силы: через мгновение я уже бежала рядом с Тонио, чувствуя абрикосовый аромат его тела, головокружительный аромат, и в этот момент Тонио повернулся ко мне и запечатал мой пересохший от желания рот долгим сладким поцелуем.

Эта сладость была столь глубока, всепоглощающая, что тело мое заныло от удовольствия, и снова я очутилась в бледной северной ночи, в кресле на лужайке. Ника склонилась надо мной:

— Пойдем в дом, здесь становится прохладно, и тучи комаров.

Я почти проснулась. Я не читала ни одного романа, где автор упоминал бы о существовании комаров. И в моем романе их не должно было быть, потому что следом всегда идут описания почесывания, запахов пота и репеллентов, вся эта скучная кухня жизни тела, которая слишком обыденна, чтобы занимать чье-то воображение.

Я спала впервые крепко, но в привычный час меня будто кто-то выдернул из сна. Я опаздывала на свидание к Тонио! Эта мысль заставила меня соскочить с топчана. Я почувствовала шоколадный привкус во рту и убыстрила шаг. Я знаю, что сны не проходят бесследно.

Когда я прибежала в свое укрытие, Тонио уже подплывал к соседнему острову, описывая привычную дугу вдоль берега. «Искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит жизнь», — почему-то вспомнилось мне. Так всегда бывает: самые странные цитаты всплывают в самое неподходящее время.

И в этот миг я услышала плеск воды за спиной: кто-то торопливо переходил брод. Чужое нетерпение встревожило меня. Через секунду я услышала хруст ветки, а еще через мгновение к озеру выбежала Ника. Она смешно размахивала руками, перепрыгивая через камни и кочки, тотчас же, без промедления бросилась в воду и поплыла. Тонио рванулся ей навстречу. Наконец я поняла, кого он ждал каждое утро. Почти приблизившись, они внезапно нырнули под воду и появились уже вместе, легко и быстро поплыли к острову. Зачем я не училась плавать? Зачем я изучала астрономию, зачем штудировала Хайдеггера и Канта, когда всего и нужно было для счастья — научиться плавать?

Место, где всегда останавливался Тонио, оказалось отмелью, они вышли из воды и пошли рядом, спокойно, весело, как два хорошо знакомых человека. Они в самом деле были похожи: длинноногие, узкобедрые, с темными слегка вьющимися волосами. Издали они казались мне единым существом: так сплетаются в экстазе любовники, разрушая границы тела, проживая миг на двоих.

Окружавший меня пейзаж только на первый взгляд был неподвижным, однозначным, с навсегда установленными границами: вода, небо и дальний берег; но его можно легко перелистнуть, и тогда появлялись тени, и голоса, и бесконечное движение.

Я зашла в воду и поплыла. Мне хотелось быстрее добраться до острова, потому что движение гасит любое отчаяние. Я не плавала с тех самых пор, как была на море — тогда вода легко держала меня, и я уплывала далеко за буйки. Сейчас вода была тяжела и темна, дышала холодом из глубины. Через пятьдесят метров я была почти без сил, но продолжала плыть вперед. Я ждала, когда появится отмель, но уже миновала черту, отмеченную мной как спасительную. Вода становилась холоднее и тяжелее, и тело мое тяжелело тоже. Я подумала, что мне не доплыть до суши. Внезапно страх накрыл меня волною. Все было взаправду: вода и смерть от воды. Смерть поджидала в нескольких секундах, не величественная, как в греческих трагедиях, а вполне заурядная: как смерть немого, не названного никем растения. Я отталкивала ее руками и ногами, погружаясь все глубже. Надо мною звенела тишина и ярко светило солнце. Я одолела еще несколько метров, и силы оставили меня. Я опускалась в темную илистую воду, пока вдруг (о, это счастливое вдруг) не почувствовала под ногою огромный валун, а следом каменистое дно. Совсем рядом была отмель.

Этот мир вновь принадлежал мне: невозмутимый и прекрасный. Шаг за шагом я освобождалась из водной толщи и наконец была на берегу острова. Я лежала на камнях, как выбросившаяся в безумном отчаянии рыба, глотающая смертельный воздух.

Наконец мне стало смешно. Мой авантюрный роман с литературой, с Тонио, с сонным миром озера был комичен от первой буквы до последней.

Итак, я вышла на свободу и осмотрелась. Берега острова заросли непроходимым кустарником, но чуть дальше на возвышении я увидела кострище и разбросанный мусор. Значит, этот остров тоже был обитаем. Я больше не стала задерживаться и поспешила к выходу. Отмель была длинная и соединяла остров с берегом. Мне почти не нужно было плыть. Дорога, стелившаяся передо мной, указывала путь обратно. Она была столь гладкой, что я не останавливалась ни на секунду — собрала вещи, закрыла дом, завела машину. День нагрелся.

вался, лес стоял стеной, покосившиеся сараюшки покоились под неподвижным небом, как надгробные памятники. Здешний пейзаж приучал к смирению, и я не роптала.

Машина застыла без движения и весело двинулась вперед. Но я не торопилась. Внезапная тоска охватила меня — неутолимая тоска по Тонио. Мне горько было думать, что больше я никогда не увижу его, и радость чистая, как вода в лесном роднике, не оживит мое сердце. «Мальчик мой, счастье мое, прекрасный мой Тонио, дай мне последний раз взглянуть на тебя», — пробормотала я, вглядываясь в заросшие зеленью проулки дачного поселка. «И разве я желала когда-либо большего, чем просто видеть тебя? И если это не любовь, самая кроткая, самая робкая, самая нежная, то что тогда любовь?»

В это время кто-то резко просигналил мне в спину. Черный джип, столь блестящий и внушительный, что чем-то напоминал движущийся гроб, поравнялся со мной. За рулем сидел красивый кавказец, а рядом с ним я увидела Нику. Она была в светлой косынке и темных очках, словно романтическая героиня из старого фильма. Ника улыбнулась мне и махнула рукой. Я помахала в ответ. Джип взревел

и помчался к шоссе. Он исчез так быстро, что, когда пыль улеглась, я засомневалась, не приснился ли мне он.

Я медленно двинулась вперед, а через несколько минут меня обогнала старая «девятка». Она пыхтела и дребезжала, сердце ее надрывалось от натуги, но как пущенный отчаянной рукою снаряд она летела вперед. Тонио гнал еле живую машину по дороге.

Не раздумывая, я помчалась следом, но как я ни торопилась, все равно ехала медленнее моих героев. Когда я выскочила на шоссе, оно было пустынно. Только солнце светило и пыльные тополя стояли вдоль обочины.

Я не знала, куда мне ехать дальше, но сильнее нажала на газ. Так или иначе, дорога должна была вывести меня куда-то.

□

Ирина Вильевна ЛЬВОВА —

доктор филологических наук,

профессор кафедры

германской филологии ПетрГУ.

Прозаик .

Автор книг «Рассказы»

(2001 г., совм. с Т. Мешко),

«Если бы нас спросили» (2003),

«Вариации» (2009),

«Случайные гости» (2011).

Публиковалась в журналах

«Carelia», «Север», «Аврора» и др.

Член Союза писателей России.

